Автобиография и исповедь сектанта. Брат Федор Носков

Статья из конфискованного журнала «Баптист» № 27, 1911 года, из-за которой был изъят весь номер:

Автобиография и исповедь сектанта

Родился я в 1850 году, в начале февраля. Крещён по обряду православного исповедания, наречён Феодором, в память великомученика Феодора Стратилата (8-го февраля). Отец мой, Спиридон Семенов, был человек грамотный. Он окончил курс бывшего удельного земледельческого училища, и поэтому, когда мне исполнилось только пять лет, начал сам понемногу учить меня грамоте. Я был мальчик впечатлительный, мечтательный и очень памятливый; в семь лет я мог уже читать славянскую и гражданскую печать и, чем более я понимал прочитанное, тем более влекло меня к чтению, чему ещё более способствовал мой характер, нерасположенный к веселью, и поэтому чтение было для меня большим развлечением, чем игры с товарищами. Читая какие-либо повести или рассказы о незнакомых мне предметах, я докучал отцу, прося объяснения, и его рассказы возбуждали во мне жажду знания, мне хотелось как можно больше читать и знать. К чистописанию у меня не было влечения, и я так и остался плохим писакой на всю жизнь.

На десятом году моего возраста последовала перемена в моей жизни: умерла моя мать, Ксения

Афанасьевна, которая очень любила меня, — поэтому-то все раннее детство моё и прошло так счастливо в довольстве и ласках родителей, но со смертью матери участь моя изменилась. Отец мой остался вдовцом с тремя детьми (кроме меня были ещё моложе меня девочка и мальчик), и по прошествии двух месяцев женился на бедной вдове, имеющей тоже двоих детей и ещё мать дряхлую старушку. С увеличением членов семейства наше материальное благосостояние, бывшее и прежде очень скромным, стало до крайности скудным, и отец мой был вынужден отдать меня, с одиннадцатилетнего возраста, сначала в подпаски, а потом в погонщики. Но и эта безотрадная участь моя не могла подавить во мне влечение к знанию; в свободное время, между делом, я, у кого только знал и мог, брал книги и жадно прочитывал их. Среди них попадались мне краткие учебники: истории, географии, физики, химии и астрономии, которые меня очень заинтересовывали, хотя понимал я их с большим трудом. Прочитывал я также много книг божественных. При таком отрывочном и несистематическом самообучении моем я все же превосходил знаниями всех сверстников моих по летам, кончивших курс сельского училища.

К церкви я был усерден, не пропускал, если было возможно для меня, воскресного и праздничного дня, чтобы не побывать при богослужении. Я знал все тропари и кондаки Господских праздников наизусть и множество ирмосов, которые очень любил распевать. Когда минуло мне 15 лет, умер мой родитель. В это время я уже ознакомился с Библией. Раньше я слышал, что читающие ее зачитываются и сходят с ума, и это странное свойство ее подстрекнуло моё любопытство и очень меня заинтересовало. Читая однажды Катехизис православного исповедания, я узнал, что Библия есть собрание книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета, на которых основана вера православная, и мне очень захотелось поближе познакомиться с ними. Но Библия в то время была книга очень редкая и не скоро ее можно было найти. Все же, узнав, у кого она имелась, я часто ходил туда и читал, просил и брал ее с собой на дом, читая с начала все подряд. Ознакомившись с содержанием Библии и удовлетворив таким образом своё любопытство, я занялся чтением ее более серьёзно, читая преимущественно книги Нового Завета, которые тогда только что появились в русском переводе, и, читая внимательно, я чувствовал, как озарялось сердце моё светом истины Слова Божия. Чем больше понимал я чистоту и возвышенность евангельского учения, тем более становилось мне ясным, насколько люди, называвшие себя православными христианами, не похожи на христиан жизнью своею. При свете Слова Божия ясно стало видно мне всю их распущенность и невежество. Видно также стало мне, что православные пастыри церковные далеко не соответствуют своему назначению, занимаясь преимущественно совершением церковных служб, требоисправлением и хождением по домам в некоторые праздники для пения канонов и тропарей и собирания мзды, не радея при этом о важнейших обязанностях, налагаемых на них Святым Писанием: надзирать за своей паствой, следя за ее нравственностью, в которой должны подавать собой примеры (I Петр. 5:1-3: Деян. 20:28), и заботиться о всех духовных ее нуждах (Евр. 13:17).

Я пришёл к заключению, что вышеописанное положение православного люда, т. е. его распущенность и невежество, есть следствие нерадивого отношения церковных пастырей к своим прямым обязанностям. Очевидным доказательством этому служит то, что со времени принятия христианства на Руси — около тысячелетия — не только продолжают существовать остатки языческих обычаев вроде коляды и масленицы, празднование которых сопровождается катаниями, гульбищами, пьянством и разными отвратительными безобразиями, но, благодаря нерадению и бездействию церковных пастырей, ещё могли возникнуть и укорениться новые

богопротивные обычаи: празднование христианских праздников, преимущественно праздников храмовых, сопровождается пиршествами и пьянством, в котором и церковный причт не отказывается принимать участие.
Браки православных также сопровождаются пьянством, козлогласием (неуместным или неподобающим действиям во время празднования) и разными шутовскими проделками, вопреки сказанному: «Брак (христианский) да будет честен» (Евр. 13:4). «И все, что делаете, делайте во славу Божью».
И вот, все вышесказанное меня сильно беспокоило и возмущало дух мой. В мыслях моих припоминались читанные мною изречения св. Писания: 2 Кор. 5:17; Гал. 5:24; Римлянам 8:1-13. Поэтому-то, думал я, люди, желающие вести благочестивую жизнь, и уходят в монастыри и в отшельничество, чтобы, удалившись от всех соблазнов, которыми так заражён мир, жить там богоугодно. И я, пожалуй, сделался бы монахом, если бы в таком душевном настроении моем Бог не свёл меня с молоканами, моими односельчанами, и мне часто приходилось иметь с ними суждения о вере. Между ними некоторые были моими близкими родственниками. Один был мой родной дядя по отцу, Фома Семенов, а другой двоюродный брат по матери, Сергей Ионов. Последний выдавался из всех прочих молокан знанием Св. Писания, даром красноречия и способностью к словопрениям. Бывало, кто-либо из православных, увидев лежащую у него на столе Библию, спросит: «Какая это у вас книга?» Тогда Сергей Ионов брал в руки Библию и открывал в книге пророка Варуха гл. 3-ю с начала и читал: «Эта книга заповедей Божьих и закон Божий, пребывающий во век», — и, повышая голос, читал далее: «все держащиеся ее будут жить, а оставившие ее умрут». «Вот это какая книга», — добавлял он. В беседах с православными он, по своему обыкновению, указывал собеседнику текст из Библии, относящийся к поднятому вопросу, и предлагал ему самому прочитать и объяснить его. Потом делал сравнение и вывод, и многие православные, беседуя с ним, начинали задумываться, а иные, убеждаясь, оставляли православие и становились молоканами. С ним-то я и беседовал много о предметах веры. Однажды я вошёл с ним в суждение о церковном богослужении, и он предложил мне прочесть из 1 Кор. гл. 14, ст. 19: «Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке». «Ну, вот понял ты», — заговорил Сергей Ионов — «что цель церковного богослужения есть назидание присутствующих». «Ты читал», — продолжал он, между прочим: «Какую пользу принесу вам, если буду говорить на незнакомых языках, если не изъяснюсь?» (ст. 6). Теперь, какую же пользу приносит в православном богослужении чтение Евангелия и апостола на устарелом славянском языке, которого народ не понимает?
Какую же пользу приносит чтение часослова и некоторых молитв и псалмов также по-славянски, и притом такой спешной скороговоркой, что слух человека учёного едва может уловить какое-либо слово, а простой народ не может и звуков-то уловить? Что же касается сорокократного произношения частухой (без передышки) «Господи помилуй», то такие действия Слово Божье запрещает и порицает. Возьми-ка Евангелие, открой Ев. Матф. гл. 6, ст. 7 и 8 и прочти». Я открыл и прочитал: «А, молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны, не уподобляйтесь им». — Открой ещё книгу Екклесиаста, гл. 5, ст. 1. Читаю: «Не торопись языком твоим, и сердце твоё да не спешит произнести слово перед Богом». «Служите Господу со страхом» (Пс. 2:11), — заговорил опять Сергей — Какой же страх или благоговение при таком небрежном служении? Сами же они, т. е. православные пастыри,

учат: что невнимательная и небрежная молитва есть преступление против третьей заповеди Божьей. Итак, церковное богослужение, долженствуя, по св. Писанию, служить для назидания присутствующих, не должно быть механическим отправлением принятых правил, форм и обрядов. Лучше пять слов сказать понятных для других, нежели тьму слов на незнакомом языке», — говорит Ап. Павел.

Эти доводы, представленные Сергеем Ионовым, имели на меня такое сильное действие, что я тут же вполне согласился с ним. Мы входили также в суждение о поклонении и чествовании икон и креста, а также о молитвенном призывании усопших святых. И в этом он также убедил меня, что эти предметы не имеют основания в св. Писании, и я на девятнадцатом году жизни, убедившись в истине его слов, оставил православие и сделался молоканином. Признаюсь, я не был вполне доволен молоканским вероучением, потому что у них не было водного крещения и преломления хлеба, что, по моему убеждению, должно быть, но мне нравилась их трезвая и нравственная жизнь и то, что в их собраниях читались и ясно толковались поучения из св. Писания.

Молокане в с. Андросовке появились в 1859 году в числе восьми человек мужчин и за отступление от православия были посажены в тюремный замок в городе Николаевске, где просидели восемь месяцев. Но потом, по распоряжению правительства, были отпущены и возвращены на место своего жительства, в с. Андросовку, где потом, в течение девяти лет, количество их возросло почти до ста обоего пола. Но здешние молокане не были такими, как некоторые называющие себя постоянными, а на самом деле лишь коснеющими в своих однажды принятых убеждениях. Многие из них скоро почувствовали узость молоканского вероучения. Сергей Ионов первым, а за ним и многие другие, признавая необходимость водного крещения, тайной вечери Господней и сердечной молитвы, ушли от старого молоканства.

В 1873 году внезапно появился в с. Андросовке проповедник, некто Яков Деляков, и произнесённая им в собрании проповедь, горячая сердечная молитва, а также и беседа о необходимости крещения и тайной вечери Господней, имели сильное влияние на предрасположенных к этому молокан Андросовских. Он положил здесь начало крещению и преломлению хлеба, что со временем приняли все, за исключением шести человек, которые и по сей день остаются старомолоканами. Но в 1893 году произошло разделение; некоторые приняли крещение по вере (баптизм), к чему теперь принадлежу и я.

Славлю и благодарю Бога моего через возлюбленного Сына Его Господа Иисуса Христа, что Он по милости Своей не оставил меня в неведении, но просветил светом истины Евангелия Своего и удостоил участвовать в заслугах Христа Спасителя моего, дав мне познать любовь Его и уверовать в примирение меня, падшего грешника, с величием Бога Отца. Благодеяние и милость, которые Он совершил для нас, принеся Себя в жертву за грехи и беззакония наши, представив нас чистыми и неповинными перед правосудием Божьим. Да будет Ему честь, слава и держава вечная. Аминь.

ФЕДОР НОСКОВ

Комментарии
